

Кант, тест на универсальность и критерий морали*

Р.Г. Апресян

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-70-85

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Тест на универсальность – одна из важнейших мыслительных процедур, посредством которых И. Кант приближает категорический императив к моральной практике, к решениям, которые моральный агент принимает в конкретных обстоятельствах перед лицом реальных ценностных коллизий. Цель теста на универсальность, который предстоит осуществить в каждом отдельном случае самому моральному агенту, – в проверке выбранной максимы на универсализуемость, т.е. на сообразность универсальному и необходимому моральному закону и, соответственно, на ее моральное достоинство. Разработка этого вопроса получила широкое развитие в последнее столетие как в кантоведении, так и в позитивных морально-философских исследованиях, причем обсуждение теста на универсальность нередко проходило в острой полемике. В статье представляются некоторые из позиций в этой полемике (А. Вуд, О. О’Нил, Д. Парфит, Г. Пэтон, Дж. Ролз, А.П. Скрипник, Э.Ю. Соловьев, А.К. Судаков). Поскольку универсальность представляет собой лишь один из трех принципов категорического императива, данный тест неверно считать единственным критерием морального достоинства. Это справедливо как внутри кантовской теории морали, так и тем более вне ее. В качестве критического коррелята категорического императива с его тестом на универсальность в статье указывается Золотое правило. Оно так же предполагает определенную процедуру универсализации. Но если тест на универсальность, задаваемый категорическим императивом,

базируется на сообразности максимы с универсальным законом, то универсализация, предполагаемая Золотым правилом, состоит в де-локализации оснований решений посредством ориентации на Другого (в его общих и конкретных определениях).

Ключевые слова: универсальность, универсализуемость, категорический императив, мораль, противоречие в мышлении, противоречие в волеизъявлении, золотое правило, кантоведение.

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН.

apressyan@iph.ras.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

Цитирование: Апресян Р.Г. (2018) Кант, тест на универсальность и критерий морали // Философские науки. 2018. № 11. С. 70–85.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-70-85

Kant, Universality Test, and a Criterion of Morality*

R.G. Apressyan

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-70-85

Original research paper

Summary

The universality test is a significant reflective procedure, owing to which Kant’s categorical imperative is brought into proximity with moral practice and with an agent’s decisions made in particular circumstances and at the face of value collisions. The test is to be done in every single case by a moral agent her/himself and it aims to examine a selected maxim for its universality, that is to its congruity to universal and necessary moral law and hence to its moral dignity. This issue has been broadly developed during the last century either within Kant studies, or in positive philosophical discussions, often sharply polemical. The paper represents some positions in those discussions (O. O’Neill, D. Parfit, H.J. Paton, J. Rawls, A.P. Skripnik, E.Y. Soloviev, A.K. Sudakov, A. Wood). No matter how important the universality test in an agent’s moral decisions, so far universality signifies one of three embodiments of the categorical imperative, it would be wrong

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

*The paper has been developed within the research project “The Phenomenon of Moral Universality,” supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

to consider the test the only criterion of moral dignity. This is true both within the Kantian conception of morality and more so beyond it. The paper proposes the Golden Rule as a critical correlation to the categorical imperative with its universality test. The rule also presupposes a kind of universalizability procedure. However, if the universality test set up by the categorical imperative is based on congruence of a maxim with the universal law, universalizability grounded on the Golden Rule consists in delocalization of intentions by taking into consideration the Other in her/his general and particular dispositions.

Keywords: unversality, unversalizability, categorical imperative, morality, contradiction in conception, contradiction in the will, the Golden Rule, Kant studies.

Ruben Apressyan – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow, Head of the Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

apressyan@iph.ras.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2473-3909>

Citation: Apressyan R. (2018) Kant, Universality Test, and a Criterion of Morality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 70–85.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-70-85

Тестом на универсальность (универсализацию) – называют мыслительную процедуру, которая в практической философии Иммануила Канта предполагается категорическим императивом и которая призвана обеспечить проверку выбранного основания действия (решения, суждения) на сообразность нравственному закону и, соответственно, моральное достоинство. В рамках кантовского (прокантовского, кантианского) понятия морали универсальность – существенный, если не первостепенный, критерий морали. В той мере, в какой все три принципа категорического императива (универсальность, человечность и автономия) по своему внутреннему смыслу взаимоопосредованы, тест на универсальность оказывается заданным именно категорическим императивом в его нормативной полноте. Однако непосредственно тест на универсальность корреспондирует с первым практическим принципом категорического императива – принципом универсальности, которым, собственно, и предзадана рациональная процедура теста.

Принцип универсальности

Принцип универсальности представлен Кантом в двух основных формулах. Согласно первой, в основе поступка не должно

быть стремления к осуществлению желания и получению пользы; не важно, чьи потребности и интересы стоят на кону, свои или чужие. Обусловленность основания, или, говоря словами Канта, максимы поступка от таких внешних по отношению к поступку факторов, лишает максиму прочного фундамента, а действующее лицо (морального агента, деятеля) – автономии. Это и составляет условие всеобщности максимы. Первая формула принципа универсальности гласит: «Поступай только по такой максиме, относительной которой ты в то же время можешь желать [wollen kannst] (1), чтобы она стала всеобщим законом» [Кант 1997а, 142, 143]. Действия, совершаемые по всеобщему закону, приобретают особое качество – они включаются в объективный порядок, который Кант называет *природой*. К этому моральный агент должен стремиться. Об этом вторая формула принципа универсальности: «Поступай так, как если бы максима твоего поведения по твоей воле [Willen] должна была стать всеобщим законом природы» [Кант 1997а, 145]. Подстановкой немецких терминов в цитаты из русского перевода двух формулировок принципа универсальности я хотел бы обратить внимание на то, что на уровне установок морального агента эти формулировки близки, если не сказать тождественны – в обеих говорится о должной по содержанию волевой активности индивида. Но далее обнаруживаются различия, касающиеся ключевых смыслов, выраженных в словах «всеобщий закон» и «всеобщий закон природы».

Далеко не все исследователи философии Канта придают значение различию двух формулировок первого практического принципа, не видя во второй формулировке принципа универсализации существенной новизны для теоретической и нормативной интерпретации категорического императива. Некоторые из них при анализе категорического императива и теста на универсальность не принимают во внимание формулу закона природы и строят свое рассуждение в предположении, что она ничего не добавляет к принципу универсальности или как будто бы этой формулы вообще нет [O'Neill 1985; Скрипник 1977]. Те же, кто считает указание Канта на закон природы существенным, отмечают, что две формулировки отражают разный характер необходимости нравственного закона. В формулировке всеобщего закона она носит нормативный характер, а в формулировке всеобщего закона природы она однотипна с природной, каузальной необходимостью: индивид детерминирован к поступку как часть природы, и он не может не подчиняться ему. Такого мнения придерживается Аллен Вуд. При этом он указывает, что «порядок природы», предполагаемый второй формулировкой принципа универсальности, содержательно проясняется другими двумя принципами категорического императива, выражающими

идею человечества как цели самой по себе и идею автономии, дополнительно проясняемыми во вспомогательных формулировках категорического императива, сориентированных на царство целей, самозаконодательство, абсолютно добрую волю [Wood 1999, 78–82].

Проверка максим на универсализацию

Процедура проверки максим на универсализацию, как выше было отмечено, вытекает непосредственно из первого принципа практического императива. В отличие от морального закона, обращенного ко всем разумным существам, категорический императив обращен к особым разумным существам, а именно таким, которые обладают потребностями и желаниями, направленными на их удовлетворение. Такими разумными существами являются люди. Поскольку действия, которые они совершают, могут иметь разного рода побуждения, последние должны проверяться на качественную определенность – на соответствие долгу. Инструмент такой проверки, которая носит мыслительный характер, предоставляет категорический императив. Категорический императив не выполняет функцию «адаптации» морального закона к конкретным обстоятельствам, наоборот, он как бы «выносит» за скобки конкретику обстоятельств, в которых действие совершается, и это осуществляется с помощью универсализации максимы, лежащей в основании действия.

Чтобы понять, соотносится ли с долгом избранное основание действия, необходима соответствующая мыслительная процедура. Вот как ее рисует Кант: «Я спрашиваю себя только: можешь ли ты также хотеть, чтобы твоя максима стала всеобщим законом? Если нет, то максима эта предосудительна, и притом не от предстоящего из-за нее вреда для тебя или также для других, но потому что она не годится как принцип для возможного всеобщего законодательства» [Кант 1997а, 89]. В одном из замечаний в «Критике практического разума» это положение высказано как видоизмененный принцип универсальности. Обычно он представляется Кантом как предписание относительно формы самоопределения к действию, здесь же трансформирован в рекомендацию относительно надлежащего *рассуждения* – как «правило способности суждения». В отличие от вышеприведенной цитаты из первого раздела «Основоположений метафизики нравственности», в которой проверка максимы на универсализацию проводится посредством сопоставления с «всеобщим законом», во втором разделе, как и в «Критике способности суждения», максима сопоставляется с законом природы: «Можешь ли ты рассматривать поступок, который ты замышляешь, как возможный через твою

волю, если бы он должен был быть совершен по закону природы, часть которой составляешь ты сам?» [Кант 1997б, 457]. Никакой разницы, сопоставляется ли максима с всеобщим законом или с законом природы для проверки на универсальность, нет.

В этом описании неявно, но определенно по смыслу утверждается, что проверочная мыслительная процедура имеет две стадии – подготовительную и основную. На первой стадии человек должен самоопределиться, из каких оснований он исходит в своем действии; его действие должно быть принципиальным, и эта принципиальность воплощается в максиме как субъективным начале воле. На второй – избранная максима соотносится с универсальным законом. Моральное достоинство действия гарантируется соответствием его максимы нравственному закону; и наоборот: «если максима поступка не такова, чтобы выдержать испытание в отношении формы закона природы вообще, то она нравственно невозможна» [Кант 1997б, 259].

В литературе встречаются и более утонченные реконструкции мышления по логике принципа универсальности, и они имеют к нашему рассмотрению непосредственное отношение. Так, выделяемые Джоном Ролзом четыре стадии «процедуры категорического императива» (КИ-процедуры – CI-Procedure) [Rawls 2000, 167–170], представляющие именно логику мышления категорического императива, можно рассматривать и как своеобразный тест на универсальность. На первой стадии устанавливается, что максима действия разумна, недвусмысленна и искренна – она отражает реальные намерения личности действовать на ее основе. На второй – максима, условно говоря, обобщается и представляется в качестве универсального, в смысле обращенного к каждому моральному деятелю, требования, которое – в силу того, что оно обращено к каждому, – можно считать объективным практическим принципом. На третьей – этот принцип трансформируется в закон, мыслимый в качестве закона природы, т.е. как бы укорененного в природе человека. На четвертой – этот помысленный закон природы представляется объединенным с существующими законами природы и являющимся частью порядка природы, который Ролз предлагает называть «согласованным социальным миром» (adjusted social world) [Rawls 2000, 169], ответственность за созидание и сохранение которого вменяется моральному деятелю. Так что выбирая максиму на первой стадии КИ-процедуры, он уже ориентируется на предполагаемый социальный мир, ответственность за который лежит на нем с самого начала. Реконструированная Ролзом КИ-процедура не в полной мере релевантна тесту на универсальность. Но предложенная им схема содержательно расширяет тест, соотносит его с законом природы и тем самым

лучше проясняет ее в контексте кантовской моральной философии. Не говоря о том, что посредством этой реконструкции Ролз предложил интересную интерпретацию перехода от формулы всеобщего закона к формуле закона природы, в чем и состоит ее основное теоретическое значение.

Тест на универсальность предписывается категорическим императивом; в этом проявляется его регулятивная функция. Применить этот тест надлежит моральному агенту, и предметом проверки является в первую очередь максима действия. По определению Канта, максима – это субъективный принцип действия. Это не «субъективность» в смысле индивидуальной предпочтительности, желательности, заинтересованности. Последнее задает гетерономные основания действия, которые имеются в виду гипотетическими императивами. Субъективность принципа состоит в том, что он принадлежит субъекту, избирается субъектом, становится основанием действия субъекта. Как подчеркивает в связи с этим Онора О’Нил, категорический императив обеспечивает проверку моральной приемлемости того, что мы собираемся совершить в качестве *автономных* агентов, следуя своим намерениям. Тем, у кого нет намерений и планов, категорический императив ничем помочь не может. Моральными максимами следует считать именно те основания действия, которые являются его основополагающими и внутренними намерениями. Как таковые максимы влияют на специфические намерения, а с их помощью действие адаптируется к соответствующим конкретным условиям и обстоятельствам его совершения [O’Neill 1985, 162–163, 165]. Местом максимы в структуре различных оснований действия определяется ее роль в нравственном самоопределении человека.

Императивные ситуации

Тест на универсальность демонстрируется Кантом на примере императивных ситуаций, приводимых им в разъяснение первого практического принципа категорического императива [Кант 1997а, 146–153]. Четыре разбираемых Кантом примера императивных ситуаций представляют разные обязанности: не совершать самоубийство, не давать ложных обещаний, развивать свои таланты, помогать людям. В этих примерах Кант говорит об определенных обязанностях, но предметом его преимущественного внимания на самом деле является максима поступка, которая выбирается в определенных ситуациях. Хотя Кант замечает, что эти примеры отражают некоторые из многих обязанностей, все же это не случайные примеры – в них рассматриваются типологически определенные обязанности.

Кант разделяет обязанности, во-первых, по тому, выражают ли они отношение деятеля к себе самому или к другим людям, и, во-вторых, по тому, являются ли они совершенными или несовершенными. Это пересекающиеся дистинкции. Обязанности по отношению к себе, как и обязанности по отношению к другим, бывают совершенными и несовершенными. В разбираемых примерах обязанности не совершать самоубийство и не давать ложных обещаний (обе – негативные) являются совершенными, а обязанности развивать свои таланты и помогать людям (обе – позитивные) – являются несовершенными (2). Исполнение совершенных обязанностей непреложно. Несовершенные обязанности непреложны к исполнению, но то, как они будут исполнены, – предмет самоопределения человека. Эти обязанности не предписывают, какие таланты развивать и кому из близких помогать. Перед человеком не стоит задача развивать все свои способности и помогать всем; каждый самостоятельно должен решить, какие его таланты заслуживают развития и кому из близких следует оказать помощь [Paton 1948, 31; O’Neill 1985, 178].

Приводя примеры типологически различных императивных ситуаций, Кант в каждом случае предлагает для проверки спросить себя, возможно ли допустить, чтобы возникающие у деятеля намерения (например, совершить самоубийство, дать ложное обещание) и установки (например, не развивать свои таланты, не помогать нуждающимся) стали принципиальными основаниями действия, которые мог бы принять любой другой разумный человек в качестве универсального закона, или безусловного принципа. Только однозначно положительный ответ на этот вопрос будет свидетельствовать о моральном достоинстве намерения (установки). В этом, согласно Канту, состоит «канон моральной оценки максимы» [Кант 1997а, 153]. Здесь следовало бы говорить об оценке максимы на моральность; собственно процедура проверки на универсальность и дает основу для разделения моральных и неморальных максим. Вместе с тем эта процедура предполагает, что индивид в качестве морального агента не отделяет себя от других индивидов, соотносит себя с ними, по крайней мере, посредством подведения максимы своих действий под обязательный для всех безусловный закон. Тест на универсальность устанавливает максимы, осуществление которых ведет к морально достойным действиям. Но морально достойные – это действия, включающие морального агента в сообщество моральных агентов. Так что можно сказать, что индивид в качестве морального агента – это непременно член сообщества подобных себе индивидов. Является ли это сообщество ноуменальным или феноменальным – предмет для отдельного обсуждения.

В литературе можно встретить различные подходы к решению этого вопроса. Так, согласно О'Нил, поскольку применение формулы всеобщего закона предполагает, что индивид мыслит о себе и о других по одной и той же мерке и учитывает, насколько принимаемое им для себя могло бы быть приемлемым и для других, постольку «формулой всеобщего закона уже подразумевается сообщество автономных агентов» [О'Neill 1985, 170]. Напротив, Э.Ю. Соловьев считает, что «испытание максим на универсализируемость – это проверка их на законодательную, общественно-устроительную состоятельность. Под миром, создателем которого человек должен себя вообразить, Кант всегда и прежде всего понимает общежитие, или самими людьми учреждаемый морально-политический порядок» [Соловьев 2005, 76]. Интерпретация Соловьева в наибольшей мере созвучна тем кантовским примерам (второму и четвертому), в которых разбираются обязанности по отношению к другим; в них Кант как раз апеллирует к стабильности общества, в частности обеспечиваемой отношением к другим людям как целям самим по себе (3). Однако, хотя Кант фактически разбирает обязанности по отношению к самому себе (первый и третий примеры) как обязанности в конечном счете по отношению ко всему человечеству, такое понимание теста на универсальность относительно обязанностей человека по отношению к самому себе не кажется достаточно убедительным, поскольку в них проверка на моральное достоинство подвергаются максимы, принимаемые личностью безотносительно к ее членству в сообществе.

Противоречие в мышлении

Указав на «канон моральной оценки максимы», Кант делает существенное дополнение: не все максимы подлежат универсализации, и не универсализуемость максим проявляется не только на нормативно-содержательном, но и на логическом уровне. «С некоторыми действиями, – замечает Кант, – дело обстоит таким образом, что их максима без противоречия никогда не может быть даже помышлена как всеобщий закон природы; еще менее возможно желать, чтобы она должна была стать таковым. В других действиях, хотя и не встречается такая внутренняя невозможность, но тем не менее невозможно желать, чтобы их максима возвышалась до всеобщности закона природы, так как такая воля противоречила бы самой себе» [Кант 1997а, 153]. И тут же Кант поясняет, что противоречия первого рода (противоречия в мышлении) возникают в связи с совершенными обязанностями, а противоречия второго (противоречия в волеизъявлении) – в связи с несовершенными.

О каких противоречиях идет речь, легко видеть на кантовских примерах. Возьмем два из них, касающихся запрета на самоубий-

ство (первый пример) и обязанности развивать свои таланты (третий пример). Оба примера представляют обязанности человека по отношению к самому себе, один – совершенную обязанность, другой – несовершенную.

Решение в безнадежном жизненном положении покончить с собой не может быть универсализуемо, потому что противоречит самому понятию жизни. Стоит попытаться универсализовать максимум такого решения, говорит Кант, как противоречие обнаруживается в самой природе: природа вложила в человека инстинкт самосохранения и продолжения жизни, и дозволение намерения добровольно уйти из жизни было бы прямым противоречием этому инстинкту. Стало быть, намерение покончить с жизнью не приемлемо в качестве универсализуемой, а иными словами, морально достойной максимы. Кант принимает во внимание такие случаи, как «ампутация членов, чтобы себя спасти, опасность, какой я подвергаю свою жизнь, чтобы ее сохранить и т.д.» [Кант 1997а, 171] (правда, их разбор относится к «области морали в собственном смысле» [Кант 1997а, 171], а не метафизики нравственности). Намеренный ущерб целостности тела в таких случаях оправдан сохранением жизни и в особенной форме утверждает жизнь. Напротив, добровольный уход из жизни противоречит принципу утверждения жизни.

Противоречие в волеизъявлении

Противоречие в волеизъявлении можно проследить в третьем кантовском примере – с отказом человека от развития своих талантов, чаще всего – ради увеселения, праздности и наслаждений [Кант 1997а, 149]. Пренебрежительное отношение человека к своим талантам не противоречит природе. Но попытка представить это отношение в качестве законосообразной максимы сразу приводит к противоречию. Такая максима не поддается универсализации, поскольку ни один человек, по мнению Канта, не может хотеть, чтобы нежелание развивать свои таланты было заложено в нас в качестве «природного инстинкта». Как разумное существо, добавляет Кант, человек «необходимо хочет, чтобы в нем развивались все способности, так как они служат и даны ему для всевозможных целей» [Кант 1997а, 151]. Это вполне просветительское, а именно, нормативно нагруженное понимание человека и его разумности. Но идея противоречия в волеизъявлении ясна: невозможно одновременно хотеть противоположных вещей и считать оба хотения универсализуемыми, утверждаемыми в качестве законов природы.

Критика

Кантовские примеры дают достаточно поводов для критики. Эта критика направлена как на сами примеры, так и – через них –

на этику категорического императива в целом. Один из наиболее распространенных аргументов, касающихся примеров, состоит в том, что они говорят о коллизиях, в которые попадает моральный деятель, оказываясь в конкретных обстоятельствах и которые невозможно разрешить без учета этих обстоятельств, между тем как Кант предлагает их разрешение прямо противоположным путем – посредством отвращения от конкретики и универсализации оснований действия. Сами коллизии, по мнению критиков, должны быть переосмыслены в соответствии с обстоятельствами, в которых они появляются, и представлены в переформулированном виде. Отвечая кантовским критикам, О'Нил указывает на то, что чаще всего в критике такого рода не учитывается направленность теста на универсальность на проверку не любых оснований действий, а именно основополагающих (никогда не являющихся единственными в практическом самоопределении морального агента). Конкретизация кантовских примеров, по ее мнению, деструктивна по отношению к логическим предпосылкам и этическим целям проведения самого теста. Во-первых, вследствие содержательной конкретизации примеров смещается фокус внимания на специальные мотивы и установки, являющиеся, по сути, гетерономными (конкретизация проводится по отношению к целям и субъективным условиям действия), в их основе лежат гипотетические императивы. Во-вторых, вольное или невольное выдвигание на передний план гетерономных мотивов и установок лишает тест на универсальность способности проверять действия на моральное достоинство [O'Neill 1985, 175–176].

Этот аргумент имеет важное методологическое значение внутри кантоведческих обсуждений. Ведь поправки и уточнения Канта в духе гетерономной этики случаются, как отмечает О'Нил [O'Neill 1985, 159], и среди авторов, считающих себя почитателями Канта и даже кантианцами. Однако само по себе различие гипотетических и категорических императивов и, соответственно, гетерономной и автономной этики фундаментально по своему теоретическому и этико-нормативному смыслу лишь внутри кантианского и прокантианского дискурсивных контекстов [Foot 1972]. Авторы, допускающие в свои рассуждения гетерономные мотивы, демонстрируют отступление от Канта, но отнюдь не непременно непонимание моральной философии или самого феномена морали. Попытки конкретизировать кантовские примеры или предложить альтернативные им отражают озабоченность моральных философов тем, чтобы приблизить морально-философское рассуждение к моральному опыту, усилить практичность моральных принципов.

Вне кантовского подхода к морали тест на универсальность сохраняет свое значение – в той мере, в какой универсальность

признается в качестве характеристики и критерия морали. Варьирующей оказывается мыслительная процедура, которая лежит в его основе и которая в своем нормативном содержании зависит от того, как понимается мораль, какие ее элементы выделяются в качестве основополагающих [Апресян 2016, 86–87].

Категорический императив и Золотое правило

С этой точки зрения представляет интерес нормативное содержание Золотого правила. В принципе универсальности категорического императива нередко усматривают реминисценции Золотого правила (4). Сам Кант скептически относился к Золотому правилу в качестве возможного основополагающего нравственного принципа [Кант 1997а, 171–173, прим.]. Однако предлагаемая им мыслительная процедура в значительной мере изоморфна мышлению по логике Золотого правила, которое призывает деятеля при принятии решения о действии в отношении другого представить допустимость того, что другой поступит по отношению к деятелю так же.

Прокантовские скептики полагают, что Золотое правило апеллирует к субъективным предпочтениям деятеля. Анализ правила показывает, что оно, несомненно, содержит стандарт универсализации оснований действий. Однако этот стандарт иной, не кантовский. В иллюстративных разъяснениях категорического императива Кант не может обойтись без аргументов (выдвигаемых не на метафизическом, а на психологическом уровне), апеллирующих к общественной безопасности и взаимной благотворительности [Кант 1997а, 147–149, 151–153]. Но все же принципиальным для него было то, что категорический императив выдвигает критерий безусловной нормативной необходимости, при которой основой действия является не ориентация на другого, пруденциальная или благоволительная, но уважение к всеобщему закону как таковому (5).

В отличие от категорического императива, Золотое правило с его критерием межличной взаимности активизирует рефлексии морального агента относительно не морального закона, а того лица, в отношении которого совершается действие. Смысл Золотого правила заключается в преодолении ограниченности индивидуальной локальности – как Я, так и Другого. Оно призывает Я к мысленной и деятельной переключке с Другим, к преодолению себя в Другом. Такой же призыв обращен к Другому, но уже в качестве Я, т.е. агента решений, действий и суждений. Более того, в обобщенных версиях Золотого правила (6) происходит переход от межиндивидуальной взаимности в определенных ситуациях или в отношениях с определенными людьми к универсальной взаимности, распространяющейся на отношения со всеми людьми.

Не следует забывать, что с Золотым правилом сопряжен не только принцип универсальности категорического императива, но и принцип человечности. В самом принципе – «Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» [Кант 1997а, 169] – нет указаний на какую-либо зависимость отношения к Другому от отношения Я к себе (через которое мыслится возможное отношение Другого к Я). Однако рассуждение Канта, предваряющее эту формулу, хотя оно проводится не в терминах хотения, а в терминах ценности и цели, выстроено по логике, близкой к логике Золотого правила. Человек, по словам Канта, «необходимо представляет свое собственное бытие» в качестве разумного существа как *цель саму по себе*; «но так представляет себе свое бытие и всякое другое разумное существо, в силу того же самого основания разума, которое имеет значение и для меня» [Кант 1997а, 169]. Будучи субъективным принципом, идея Я как цели самой по себе в соединении с представлением о любом другом разумном существе как цели самой по себе становится объективным принципом. Стоит добавить, что предпосылку для преодоления партикулярности и утверждения всеобщности в рефлексивных переходах от Я к Другому и от Другого к Я усматривал и Гегель, рассуждая об опыте практических взаимоотношений [Гегель 1990, 236–237].

Заключение

Подводя итог, отметим следующее. Тест на универсальность представляется Кантом как мыслительная процедура, которую осуществляет моральный агент с целью проверки выбранной максимы на универсализуемость – ее внутреннюю сообразность универсальному и необходимому закону. Эта процедура, посредством которой проводится универсализация максимы, оказалась наиболее разработанной как Кантом, так и в особенности его последователями, тем более что в силу своей специфики процедура универсализации поддается формализации. Однако универсальность – только один из трех принципов категорического императива, поэтому было бы необоснованно рассматривать тест на универсальность в качестве единственного критерия моральности даже в рамках кантовского понимания морали. Принцип человечности категорического императива снимает формальность критерия моральности, присущий принципу универсальности и задаваемому им тесту на универсальность, благодаря введению в моральное рассуждение телеологического аргумента. Впрочем, принцип человечности также содержит элемент универсализуемости, выражающийся в том, что человек и в качестве Я, и в качестве

Другого рассматривается как цель лишь в соотношении с человечеством, как индивидуальная персонификация человечества. Универсализация может проводиться в моральном рассуждении по другим основаниям и быть направленной не на сообразование с универсальным законом как таковым, а на делокализацию оснований решений морального деятеля, нейтрализацию их ситуативности и пристрастности в соответствии с моральными принципами, в первую очередь – посредством ориентации на Другого как обобщенного, но вместе с тем и конкретного Другого, – о чем свидетельствует практический нормативный опыт, зафиксированный в Золотом правиле и отраженный в различных морально-философских учениях, представляющих мораль замкнутой не на императив, а на конкретного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Важно иметь в виду, в особенности учитывая сказанное об особенностях моральной максимы, что Кант говорит не о желании, а об акте воли, о волеии деятеля касательно максимы поступка. Принимая во внимание имеющуюся традицию перевода историко-философских текстов, уместнее было бы при переводе первой версии принципа универсальности использовать слово «хотение», связывая его с актом воли и отличая от желания как ощущения неудовлетворенности потребности и интереса.

(2) Ранее в «Основположениях», говоря о поступках, сообразных с долгом, но, возможно, обусловленных и склонностью, Кант указывает на честность в делах, сохранение своей жизни, благодеяние и стремление к счастью. Как видим, и в этом случае приводятся сначала совершенные обязанности, а потом несовершенные, а внутри каждого разряда – обязанность по отношению к себе и обязанность по отношению к другим. Состав обязанностей в двух перечнях несколько различия. В разряде совершенных обязанностей несовпадение касается обязанностей по отношению к другим, в разряде несовершенных – обязанностей по отношению к себе. Не упоминаемые в первом перечне примеров обязанности развития талантов и правдивости в обещаниях Кант затрагивает (с разной степенью подробности) в других местах трактата.

(3) Такой интерпретацией теста на универсальность Соловьев демонстрирует свою близость пониманию категорического императива Ролзом (похоже, с его лекциями по истории моральной философии Соловьев не был знаком), который, как выше можно было видеть, за кантовским «порядком природы» отчетливо увидел «согласованный социальный мир».

(4) Возможно, именно поэтому категорический императив, как заметил Адриан Мур, находит отклик в душах многих читателей [Moore 2003, 32].

(5) По мнению О. О'Нил, Золотое правило – это, говоря в терминах Канта, гетерономный принцип действия [O'Neill 1985, 159]. Согласно Д. Парфиту, при имеющихся различиях между Золотым правилом и категорическим императивом как нравственные принципы они однотипны, и скептицизм Канта в отношении Золотого правила следует признать необоснованным [Parfit 2011, 321–330]. О сопоставлении Золотого правила с категорическим императивом см. также: [Соловьев 2005, 55–66; Berthold 2018].

(6) У Конфуция, Гиллеля, Иисуса [Апресян 2013].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2013 – *Апресян Р.Г.* Генезис золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.

Апресян 2016 – *Апресян Р.Г.* Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.

Гегель 1990 – *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Ред., сост. Д.А. Керимов, В. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990.

Кант 1997а – *Кант И.* Основоположения к метафизике нравов // *Кант И.* Соч.: В 4 т. На нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.

Кант 1997б – *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: В 4 т. На нем. и рус. яз. / Подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.

Скрипник 1978 – *Скрипник А.П.* Категорический императив Иммануила Канта. – М.: Изд-во МГУ, 1978.

Соловьев 2005 – *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Судаков 1998 – *Судаков А.К.* Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.

Berthold 2018 – *Berthold D.* The Golden Rule in Kant and Utilitarianism // *The Golden Rule: Analytical Perspectives* / Ed. J. Neusner. – Lanham, MD: University Press of America, 2018. P. 83–105.

Foot 1972 – *Foot P.* Morality as a System of Hypothetical Imperatives // *The Philosophical Review*. 1972. Vol. 81. No. 3. P. 305–316.

Moore 2003 – *Moore A.W.* Noble in Reason, Infinite in Faculty: Themes and Variations in Kant's Moral and Religious Philosophy. – London; New York: Routledge, 2003.

O'Neill 1985 – *O'Neill O.* Consistency in Action // *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability* / Eds. N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. P. 159–186.

Parfit 2011 – *Parfit D.* On What Matters / Ed. and introduced by S. Scheffler. Vol. 1. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Paton 1948 – *Paton H.J.* Analysis of the Argument // *The Moral Law, or Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A new translation. With Analysis and Notes by H.J. Paton.* – London: Hutchinson's University Library, 1948. P. 13–54.

Rawls 2000 – *Rawls J.* Lectures on the History of Moral Philosophy / Ed. by B. Herman. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Wood 1999 – *Wood A.W.* Kant's Ethical Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

REFERENCES

Apressyan R. (2013) The Golden Rule Genesis. *Voprosy Filosofii*. 2013. No. 10, pp. 39–49 (in Russian).

Apressyan R. (2016). The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 8, pp. 79–88 (in Russian).

Berthold D. (2018) The Golden Rule in Kant and Utilitarianism. In: Neusner J. (Ed.) *The Golden Rule: Analytical Perspectives* (pp. 83–105). Lanham, MD: University Press of America.

Foot P. (1972) Morality as a System of Hypothetical Imperatives. *The Philosophical Review*. Vol. 81, no. 3, pp. 305–316.

Hegel G.W.F. *Philosophy of Law* (D.A. Kerimov & V.S. Nersesians, Eds.). Moscow: Mysl (Russian translation).

Kant I. (1997a) *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: Kant I. *Works in 4 vols* (N. Motroschilova & B. Tuschling, Eds.) (Vol. 3, pp. 39–276). Moscow: Moscow Philosophical Fund Pub. (in German and Russian).

Kant I. (1997b) *Critique of Practical Reason*. In: Kant I. *Works in 4 vols* (N. Motroschilova & B. Tuschling, Eds.) (Vol. 3, pp. 277–733). Moscow: Moscow Philosophical Fund Pub. (in German and Russian).

Moore A.W. (2003) *Noble in Reason, Infinite in Faculty: Themes and Variations in Kant's Moral and Religious Philosophy*. London: Routledge.

O'Neill O. (1985) Consistency in Action. In: Potter N.T. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability* (pp. 159–186). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

Parfit D. (2011) *On What Matters* (Vol. 1). Edited and introduced by S. Scheffler. Oxford: Oxford University Press.

Paton H.J. (1948) Analysis of the Argument. In: *The Moral Law, or Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A New Translation* (pp. 13–54). With Analysis and Notes by H.J. Paton. London: Hutchinson's University Library.

Rawls J. (2000) *Lectures on the History of Moral Philosophy* (B. Herman, Ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Skripnik A.P. (1978) *Immanuel Kant's Categorical Imperative*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Pub. (in Russian).

Soloviev E.Y. (2005) *The Categorical Imperative of Morality and Law*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Sudakov A.K. (1998) *Absolute Morality: The Ethics of Autonomy and Unconditional Law*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Wood A.W. (1999) *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.